

nauchno-tekhnicheskoe-tvorchestvo/2015/05/05/byt-i-povsednevnyaya-zhizn-soldata-v-gody. – Дата доступа : 15.03.2019.

2 Фронтовой быт солдат во время ВОВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://schoolmuseum623.jimdo.com/>. – Дата доступа : 27.03.2019.

УДК 94(476)«1941/1945»-053.2

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ)

А. И. ЗЕЛЕНКОВА, М. П. САВИНСКАЯ

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

В статье рассматривается жизнь мирного населения Гомельщины в годы Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для народа нашей страны. Всё дальше удаляются военные годы, их трагедии и победы. Вслед за десятками миллионов погибших в те годы каждый день уходят из жизни ветераны Великой Отечественной войны. Всё меньше и опалённых войной бывших мальчишек и девчонок, очевидцев тех страшных лет. В этих условиях возрастает роль устной истории как важнейшего источника о событиях суровых предвоенных, военных и послевоенных лет. Великая Отечественная война не должна быть забыта не только для того, чтобы современная молодёжь стремилась сохранять мир, но и понимала, что человек способен на многое в трудные периоды жизни, и никогда не теряла веру в себя. Война живёт в душе переживших её людей воспоминаниями, которые они никогда не смогут забыть. Долг современного поколения – дополнить летопись войны рассказами обычных людей, выживших в трудные годы Великой Отечественной войны, чтобы они не исчезли бесследно.

Исследования учёных, хронико-документальные издания, учебники, энциклопедии рассказывают о подвигах, о потерях и победах. Записаны сотни рассказов ветеранов, в том числе и женщин-фронтовичек. Однако не так много известно о «повседневном», «домашнем» героизме населения, проживавшего на оккупированной территории и в советском тылу. Обращение к воспоминаниям людей, переживших тяготы войны, остаётся актуальным и необходимым. Воспоминания гомельчан: Ахремчук Анна Герасимовна (1925 г. р., д. Первомайск Речицкого района); Бондаренко Мария Макаровна (1936 г. р., д. Первомайск Речицкого района); Рылушкина Нина Ивановна (1933 г. р., д. Кунтаровка Ветковского района); Шевцова Анастасия Егоровна (1933 г. р., д. Новосёлки Ветковского района); Зеленков Иван Иванович (1932 г. р., д. Крупец Добрушского района), записанные авторами летом – осенью 2013 г., послужили основой для написания статьи.

Несмотря на то, что прошло много десятилетий с драматических событий войны и многие очевидцы, на воспоминаниях которых написана данная статья, были подростками и детьми, они хорошо помнят те огненные годы. Сила памяти, как утверждал Алесь Адамович, эмоционально переживаемых событий такова, что не существует дистанции времени. «На войне детей не бывает». Противоестественно сближение самих этих понятий. Дети периода войны должны были расстаться с детством – в обычном, мирном смысле этого слова.

Представленные воспоминания носят отрывочный характер, в них отражаются самые яркие детские впечатления периода войны. Как писала С. Алексиевич, в таких рассказах мало собственно военного и специального материала, но в них избыток материала человеческого, который приближал победу советского народа над фашизмом.

Начало Великой Отечественной войны для многих советских граждан, особенно сельских, было неожиданным, узнавали о нём по-разному. Например, М. М. Бондаренко вспоминала, «когда началась война 22 июня 1941 г. племянник отца, коммунист, работавший секретарём сельсовета в д. Комсомольск Речицкого района, сообщил о начале войны. Наша мама взяла нас, четырёх детей, и мы пошли в деревню Толстыки за р. Березину (в 15 км от нашей деревни), где жили её родители, «прятаться от войны», а там тоже война, и мы сразу вернулись домой». А. Е. Шевцова рассказывала, что «отца забрали на фронт на следующий день после начала войны и через месяц он погиб под Рогачёвом. У мамы на руках осталось пятеро детей, самой младшей – Зине 23 июня исполнился только год. Проходившие через деревню в конце июля 1941 г. немцы относились к мирному населению спокойно, забирали только скот, птицу и продукты питания». По словам Н. И. Рылушкиной, «проходивших немцев было так много, что трудно было перебежать через улицу». Летом – осенью 1941 г., по воспоминаниям И. И. Зеленкова, «через Крупец ехали в сторону России немцы на лошадях с телегами, на которых везли продукты питания и оружие. Жителей деревни, наблюдавших за ними, немцы не трогали».

В период оккупации немецкие гарнизоны размещались не во всех сельских населённых пунктах. Это зависело от месторасположения, количества дворов в деревне и наличия в них хозяйственных объектов. Например, в д. Новосёлки, вспоминала А. Е. Шевцова, стоял гарнизон. «Его солдаты размещались в двухэтажных кирпичных зданиях спиртзавода и конезавода. Среди солдат были немцы и выходцы из Западной Украины, которые были более жестокие. В деревню приезжали и каратели. Были всякие гитлеровцы. Семья проживала в небольшой хатке. Анастасия и сестра Маня спали на лавке у окна и нередко дети просыпались в страхе от того, что немец постучит в окно, наставит на детей автомат и будет смеяться. Однажды гитлеровец дал самой маленькой Зине шоколадку, а затем приставил пистолет к

головке, от чего ребёнок замирал от страха. Были среди немцев и молодые парни, которые приходили в хаты, где деревенские девушки и парни собирались вечером послушать музыку и потанцевать. В годы оккупации жители деревни болели тифом и малярией. В семье Анастасии Егоровны все болели малярией, сопровождавшейся сильной лихорадкой. Лекарств не было. Лечились травами, а также тем, что в бочку наливали горячей воды и сидели в ней пока вода не остынет. Среди молодых людей деревни были такие, кто добровольно соглашался ехать в Германию. Старшую сестру Анастасии Егоровны Анну (1925 г. р.) тоже хотели отправить в Германию. Староста (бывший раскулаченный) приходил к матери Анастасии Егоровны и угрожал рассказать гитлеровцам о том, что семья скрывает старшую дочь (её передевали старушкой), однако, он так и не выполнил своей угрозы, и девушке удалось избежать отправки в Германию».

В деревне Крупец, по воспоминаниям И. И. Зеленкова, где не было лесов, «примерно с лета 1942 г. находились немцы и итальянцы. Жили они в своих казармах (палатках), сами готовили себе еду, иногда давали детям, кто осмелился подойти к ним, кашу».

М. М. Бондаренко рассказывала, что в их деревне, окружённой лесами, немцы не проживали, а располагались они недалеко, в д. Узнож, и жители деревни продолжали свою обычную жизнь. «Когда началась война, наш отец не был призван в армию по возрасту, кроме того, он работал в леспромхозе в д. Озерщина и имел бронь. В июле 1942 г. у меня родилась сестра Тамара. Помню, как она училась ходить, когда мы уже прятались от немцев в лесу. У нас же было много партизан. Жили они в лесу, но часто по ночам приходили в деревню и забирали у людей вещи и продукты. Иногда продавали или обменивали эти вещи на продукты у других жителей деревни (потом люди выкупали свои вещи друг у друга). Весной 1943 г. за помощь партизанам немцы проводили карательные операции. Часть населения деревни убежала в сторону Березины, построили там шалаши и жили в лесу. Остальные жители бежали в сторону Узножа, где попали в облаву и были целыми семьями отправлены в Германию (после войны все они вернулись в деревню)». А. Г. Ахремчук добавляла, что когда они прятались в лесу «к ним прибудил немец. Видно дезертировал или отстал. По-русски он ничего не понимал, но всё время жестами показывал, что не хочет убивать. Но наши люди боялись, что он укажет место, где мы прячемся и мужики утопили его в Березине».

В воспоминаниях отмечается, что во всех деревнях были полицаи, и многие из них были такими же жестокими, как и фашисты. В д. Крупец, по словам И. И. Зеленкова, полицаи «гоняли местных жителей больше, чем немцы, грабили население, избивали людей, если они утаивали продукты и всё нужное для немцев». О жестокости полицаев говорила и М. М. Бондаренко: «В нашей деревне был староста Шкурат, который гонял людей на работы (чистить дорогу и др.). Он выдал Бондаренко Захара Филипповича,

который был оставлен на подпольную работу и держал связь с партизанами. Когда его связь с партизанами была раскрыта, ему приказали уйти в лес вместе с населением, расчищавшим дорогу от снега (зима 1942 г.). Шкурат вместе с двумя полициями вывели З. Ф. Бондаренко из толпы, увезли в Шатилки и там его расстреляли. Позже партизаны повесили старосту ночью у него на огороде». Н. И. Рылушкина рассказала, что «местные полицаи знали, что её отец был на фронте и, попав в 1941 г. под Орлом в плен, смог бежать и вернулся домой, но не выдали его немцам. Однако, когда полициям стало известно, что жители д. Кунтаровка укрывают евреев, они донесли об этом немцам. Но всё же их удалось спасти, переправив в другую деревню через болота, окружавшие деревню».

Особую жестокость и зверства, как отмечается во всех воспоминаниях, фашисты проявляли осенью 1943 года. При отступлении они сожгли деревни, и многие мирные жители, которые не успели убежать в лес, погибли. Например, А. Е. Шевцова и Н. И. Рылушкина вспоминали, что «деревни Новосёлки и Кунтаровка Ветковского района гитлеровцы подожгли, жителей согнали и вели перед собой, прикрываясь ими от наступающих советских войск до посёлка Уваровичи. Кунтаровских пригнали на крахмальный завод, держали за колючей проволокой и готовили к отправке в Германию. Стариков, женщин и детей деревни Новосёлки загнали в болото и готовились расстрелять». Своевременная помощь партизан и подпольщиков предотвратила расстрел и отправку населения в Германию. Зеленков И. И. рассказывал: «Когда немцы начали отступать, люди из Крупца и ближайших деревень ушли на карьеры (где ранее добывали торф, и болото заросло кустами). Прятались там, около месяца, пока прошли немцы. Вернулись в сожжённую деревню». Деревню Первомайск Речицкого района, по воспоминаниям М. М. Бондаренко, освободили 17 ноября 1943 года. «Когда немцы отступали, сожгли нашу большую деревню (250 дворов). Осталось 3 дома, которые стояли на отшибе».

26 ноября был освобождён первый областной центр БССР город Гомель. Однако ожесточённая борьба за освобождение территории Гомельщины от немецко-фашистских захватчиков продолжалась. Долгое время люди боялись возвращаться в родные деревни. М. М. Бондаренко вспоминала: «когда нашу деревню освободили, и мы уже спокойно ходили по ней, вдруг услышали стрельбу. Некоторые выскочили из своих жилищ и побежали к лесу и попали под обстрел. Убили 4 человека, ранили мальчика и девушку. Оказалось при отступлении один немецкий танк отстал, прятался в лесу, а потом решил догонять своих. Ехал через нашу деревню и стрелял постоянно. Наши войска были ещё за 5–7 км от деревни». Н. И. Рылушкина отмечала, что немцы, отступая, оставили «опасные подарки». Жители, а чаще всего дети, находили куски мыла, ручки, которые были начинены взрывчатыми веществами.

После освобождения оставшиеся в период оккупации мужчины были призваны в действующую армию. Восстановление деревень легло на плечи

стариков, женщин, детей и проходило в тяжёлых условиях голода, отсутствия нормальных бытовых условий для жизни. Однако люди старались помочь и поддержать друг друга. Например, в д. Кунтаровка, как рассказывала Н. И. Рылушкина, уцелело 6 домов, в которые и заселились жители большой ранее (220 дворов) деревни. В одном доме проживало по 30–40 человек». В д. Новосёлки, по словам А. Е. Шевцовой, остались только три здания: спиртзавода, конезавода и школы. Все жилые дома были сожжены или разрушены. «От нашего дома осталась только крыша, под ней мы и жили всю зиму. Зима была тёплой. Мы собирали картошку, которую не успели убрать, ею и питались. На следующий год мы собрали брёвна и отстроили небольшую хатку».

О трудностях первых месяцев мирной жизни М. М. Бондаренко рассказывала: «Когда немцы отступили, мы вернулись из леса на пепелище. Построили себе «курени», некоторые выкопали землянки. Весной 1944 г. поселили огород. Огороды вспахивали на себе. Впряжёмся по 8–9 человек в плуг и вспахиваем «несколько семей одному, потом другому». Коров жалели, те, на которых пахали, мало молока потом давали. Мы когда от немцев прятались, корову с собой в лес увели и сохранили её. Она была нашей кормилицей. Голодно было. Ходили за луговым луком, шавелем к р. Березина за 10 км. Из гнилого картофеля пекли блины. Старшая сестра Анна (1926 г. р.) работала на лесозаготовках, получала паёк. Брат Павел собирал металл, который остался от стрельбы, и делал ложки, миски, которые менял у людей на продукты и одежду (кто, что даст). Недалеко от деревни работали на лесозаготовках много пленных немцев. Очень они боялись мороза. Закутают портянками голову. Такими я их и запомнила».

История войны пишется непросто, и чем дальше уходит время, тем спокойнее воспринимаются её жестокие события. Но задача историков, преподавателей и учителей добиваться, чтобы современная молодёжь, узнавая о событиях далёкой Великой Отечественной войны, никогда не переставала помнить и сопереживать.

УДК 94(476) «1943/1944»

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОЙ БССР (1943–1944 гг.)

И. Н. КОЗОРОЗ

Белорусский государственный университет транспорта

Вопрос коллаборационизма на современном этапе формирования исторического сознания современных людей как никогда важен и актуален. Современные знания о прошлом подвергаются значительной переработке в